

серия новые переводы

Фридрих Шиллер

Райнер Рильке

Лучшее, вечное

перевод

Николая Самойлова

это - сама поэзия

Иоган Шиллер
Лучшее, вечное

«Автор»

2020

Шиллер И. Ф.

Лучшее, вечное / И. Ф. Шиллер — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03900-1

Стихи двух немецких поэтов разных эпох. Их объединяет то, что оба были очень талантливы и признаны великими при жизни. Шиллер – немецкий поэт, философ, драматург, теоретик искусства, историк, врач. Один из ярчайших представителей немецкого романтизма и гуманизма. Райнер Рильке был признан талантливейшим поэтом своего времени. Удивительный поэт. Лучше Марины Цветаевой о нём не скажешь: «Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия.» Очаровывающие стихи, полные неожиданных образов, метафор, смыслов. Я специально представляю по несколько вариантов одного стихотворения, чтобы читатель видел, как не просто добраться до сути стихов Рильке. Кроме того неточные переводы, порой, красивее точных. Приятного чтения.

ISBN 978-5-532-03900-1

© Шиллер И. Ф., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Иоганн Фридрих фон Шиллер	5
Встреча	7
Перчатка	9
Надежда	12
Пилигрим	13
Прошение	15
Чужестанка	16
Цветы	18
Мужицкая серенада	20
Игра в жизнь	23
Раздел земли	25
Рыцарь Тогенбург	27
Рильке Райнер Мария	31
Белый замок	33
Начало весны	34
Весна	35
Вечерние облака	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Райнер Рильке, Иоган Шиллер Лучшее, вечное

Иоганн Фридрих фон Шиллер

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер 1759-1805 – немецкий поэт, философ, драматург, теоретик искусства, историк, врач. Один из ярчайших представителей немецкого романтизма и гуманизма. Наряду с Г. Э. Лессингом и И. В. Гете был основоположником немецкой классической литературы. Родился в небольшом немецком городе Марбах-ам-Неккар, в семье небогатого полкового фельдшера и дочери пекаря-трактирщика. Начальное образование будущий классик получил у местного пастора, потом четыре года латинской школы. В 1772 году Фридрих с отличием сдал все четыре выпускных экзамена. Это обеспечило ему место в военной академии. Однако сам Шиллер обучение в «Высшей школе Карла Святого» не оценил. Будучи зачисленным на юридическое отделение, Фридрих, тогда мечтавший стать священником и питавший неприязнь к юриспруденции, за два года из отличника превратился в худшего ученика. В 1775 году академию перевели в Штутгарт, а в 1776 году Шиллер перевелся на медицинский факультет, где посещал лекции немецкого философа Якова Абеля. Тогда же юноша всерьез увлекся поэзией. В 1780 году Фридрих Шиллер окончил академию и получил место полкового врача в Штутгарте. Годом позже Шиллер завершил свою первую драму «Разбойники», которую ему пришлось опубликовать за свой счет. Драма понравилась директору Мангеймского театра. Постановка имела успех у публики. Чтобы попасть на спектакль в Мангейм, Шиллер ушел в самоволку, за что получил 14 дней гаупвахты и запрет на написание всего, кроме сочинений по медицине. В сентябре 1782 года сбежал из владений герцога Вюртембергского в Пфальц. Он скрывался под вымышленным именем в окрестностях Мангейма. Тогда же начал работать над трагедией «Коварство и любовь» и издал «Заговор Фиеско в Генуе». Год прожил в доме знакомой, откуда был вынужден уехать. В 1783 году сделал первые наброски исторической драмы «Дон Карлос», для работы над которой изучал историю Испании. Несмотря на успех постановки «Коварство и любовь», премьера которой состоялась в 1784 году, Шиллер продолжал скитаться и нищенствовать. Осенью он обратился к обществу поклонников своего творчества в Лейпциге. В марте 1785 года глава общества Готфрид Кернер выслал Шиллеру вексель, чтобы тот мог рассчитаться с долгами и организовал переезд драматурга. В 1787 году Шиллер уехал в Веймар, литературный центр, где познакомился с главными немецкими литераторами своей эпохи. Это знакомство заставило драматурга пересмотреть собственное творчество, и Фридрих почти на десять лет оставил художественную литературу. Он погрузился в изучение истории, философии и эстетики. После публикации в 1788 году «Истории отпадения Нидерландов» Шиллер снискал славу выдающегося историка и с помощью друзей, среди которых был Гете, получил место профессора истории и философии в университете Йены. В 1791 году Шиллер заболел туберкулезом легких, из-за чего был вынужден прекратить преподавание и снова попал в нищету. В 1799 году Шиллер вернулся в Веймар, где при поддержке меценатов начал издавать несколько литературных журналов и вместе с Гете основал Веймарский театр. В 1800 году он закончил работу над пьесой «Мария Стюарт», которую задумал еще в 1780-х. В 1802 году Шиллеру было пожаловано дворянство. А в 1805 году, в возрасте 45 лет, он умер от туберкулеза, обострившегося после сильной простуды.

Свои первые произведения, перенасыщенные пафосом и высокопарными фразами, сам Шиллер впоследствии не будет воспринимать всерьез. За время своей творческой деятельности написал тридцать восемь стихотворений, ряд философских работ, эссе, несколько истори-

ческих исследований. Был назначен профессором истории Йенского университета. Редактировал несколько литературных журналов. Произведения Шиллера переведены на многие языки мира, в том числе на русский: «Буря и натиск»; «Разбойники»; «Коварство и любовь» и другие.

Многие композиторы вдохновлялись творчеством поэта. Одной из самых знаменитых стала «Ода к радости», которую Бетховен положил на музыку и включил в свою знаменитую Девятую симфонию. Среди других композиторов, вдохновленных текстами Шиллера, следует отметить Шуберта, Шумана, Верди, Россини.

Встреча

В кругу подруг блистала красотой,
Прекраснее найти я не сумел,
Как солнышко манила за собою
Стоял вдали, но подойти не смел.
Страданием я был лишён покоя,
Когда на эту красоту смотрел;
Вдруг, вознесла крылатая фортуна
И я ударил пальцами по струнам.

Что чувствовал в те дивные мгновенья,
Когда запел, давно забыл о том.
Я новый звук в себе нашёл для пенья,
С тех пор боль сердца изливаю в нем.
В моей душе закончилось терпенье
Она оковы порвала рывком.
Чтоб, проникая в самые глубины,
Звук разбудил, в них спящие картины

Потом, когда замолкло это пенье,
Я снова душу к телу приковал,
И в ангельских чертах любви, боренье
Стыда и сладострастья увидал.
Пришёл от сладких звуков в восхищенье,
Казалось мне, что в небесах порхал.
Был для блаженных душ, тот звук, не внове,
Я вновь его услышал в тихом слове:

«А сердце верное о чувствах не кричит,
Страдая безутешно, тихо плачет;
Оно в любви покой и верность чтит
Страданья для него не много значат.
Сорвав, цветок любви, его хранит,
Чтоб заслужить внимание удачи.
Любовь – сокровище, прими, не прекословь
Любовью, отвечая на любовь».

Die Begegnung
Noch seh' ich sie, umringt von ihren Frauen,
Die herrlichste von allen, stand sie da.
Wie eine Sonne war sie anzuschauen;
Ich stand von fern und wagte mich nicht nah.
Es fasste mich mit wolllustvollem Grauen,
Als ich den Glanz vor mir verbreitet sah;
Doch schnell, als haetten Fleugel mich getragen,
Ergriff es mich, die Saiten anzuschlagen.

Was ich in jenem Augenblick empfunden,
Und was ich sang, vergebens sinn' ich nach.
Ein neu Organ hatt' ich in mir gefunden,
Das meines Herzens heil'ge Regung sprach;
Die Seele war's, die Jahre lang gebunden,
Durch alle Fesseln jetzt auf einmal brach,
Und Tuene fand in ihren tiefsten Tiefen,
Die ungeahnt und guettlich in ihr schliefen.

Und als die Saiten lange schon geschwiegen,
Die Seele endlich mir zureucke kam,
Da sah ich in den engelgleichen Zuegen
Die Liebe ringen mit der holden Scham,
Und alle Himmel glaubt' ich zu erfliegen,
Als ich das leise, suesse Wort vernahm –
O droben nur in sel'ger Geister Choeren
Werd ich des Tones Wohl laut wieder hoeren!

Das treue Herz, das trostlos sich verzehrt,
Und still bescheiden nie gewagt zu sprechen:
Ich kenne den ihm selbst verborgnen Werth,
Am rohen Glueck will ich das Edle raechen.
Dem Armen sei das schoenste Loos bescheert,
Nur Liebe darf der Liebe Blume brechen.
Der schotnste Schatz gehoert dem Herzen an,
Das ihn erwiedern und empfinden kann.

Перчатка

Гордись своим зоосадам,
Осанкой и пышным нарядом,
Сидел король Франц, вокруг,
Служившие верно короне,
Бароны, а на балконе
Красивых дам полукруг.

Король дал знак – выпускать зверей.
Ворота открылись, из клетки своей,
Степенно шагая,
Рыча и зевая,
Людей оглядев,
На землю ступил дикий лев.
Затёкшие, вытянув члены,
Он лёг посредине арены.

Король слову, зная, цену,
Рукою второй раз махнул,
Слуга снова дверь распахнул -
Взревев, словно гром,
В неё тигр сиганул
На арену огромным прыжком.
Льва, увидев, ревёт,
Тот на лапы встаёт,
На шее вздымается грива -
Тигр сник, отошёл боязливо,
Сразиться со львом не посмел,
Кося глаза молча смотрел,
Признав без сражений и споров
Вассалом себя, льва сеньором.
Слизнув языком с губ пену,
В сторонке лёг на арену.

С усмешкою, глядя на сцену,
Король даёт пальцем знак слугам своим
И два злобных барса, один за другим,
На тигра пошли в атаку,
Жажда крови и драки.
Он, выбежав барсам навстречу,
Их душит в объятьях, и лапами бьёт.
Могучий Лев с рёвом на лапы встаёт,
Вмиг, замерли звери в испуге;
В арене, очерченном круге,
Легли, не посмев льву перечить.

Когда прекратилась схватка,
С балкона упала перчатка,
Легла между тигром и львом,
Заахали дамы кругом.
Мой рыцарь, Делорж, наступил твой час,
Смеясь, Кунигунда сказала:
Ты клялся в любви ко мне, множество раз,
Чтоб силу её я узнала,
Прошу мне перчатку вернуть.

И рыцарь бегом отправляется в путь,
Идёт вниз по лестнице, в клетку;
Пройдя меж зверей твёрдым шагом,
Он их, поразив отвагой,
Поднял перчатку кокетки.
Сердца гостей ужас сковал,
Когда меж зверями стоял.
Когда хладнокровно вернулся назад,
Хвалили его отовсюду,
Готова обнять Кунигунда,
Сулит ему счастье её нежный взгляд,
Но рыцарь, пылая от гнева,
Перчатку швырнув в лицо девы,
Сказал, встав с красавицей рядом:
–От вас, не нужна мне награда -
Сказал и ушёл тотчас.
Der Handschuh
Vor seinem L;wengarten,
Das Kampfspiel zu erwarten,
Sa; K;nig Franz,
Und um ihn die Gro;en der Krone,
Und rings auf hohem Balkone
Die Damen in sch;nem Kranz.
Und wie er winkt mit dem Finger,
Auftut sich der weite Zwinger,
Und hinein mit bed;chtigem Schritt
Ein L;we tritt
Und sieht sich stumm
Ringsum
Mit langem G;hnen
Und sch;ttelt die M;hnen
Und streckt die Glieder
Und legt sich nieder.
Und der K;nig winkt wieder,
Da ;ffnet sich behend
Ein zweites Tor,
Daraus rennt
Mit wildem Sprunge
Ein Tiger hervor.

Wie der den Leu erschaut,
Brüllt er laut,
Schlägt mit dem Schweif
Einen furchtbaren Reif
Und recket die Zunge,
Und im Kreise scheu
Umgeht er den Leu,
Grimmig schnurrend,
Drauf streckt er sich murrend
Zur Seite nieder.
Und der König winkt wieder,
Da speit das doppelt geöffnete Haus
Zwei Leoparden auf einmal aus,
Die stürzen mit mutiger Kampfbegier
Auf das Tigertier;
Das packt sie mit seinen grimmigen Tatzen,
Und der Leu mit Gebrüll
Richtet sich auf, da wirds still;
Und herum im Kreis,
Von Mordsucht heil,
Lagern sich die greulichen Katzen.
Da fällt von des Altars Rand
Ein Handschuh von schwarzer Hand
Zwischen den Tiger und den Leu
Mitten hinein.
Und zu Ritter Delorges, spottenderweis,
Wendet sich Fürstlein Kunigund:
»Herr Ritter, ist Eure Lieb so heil,
Wie Ihr mirs schwört zu jeder Stund,
Ei, so hebt mir den Handschuh auf!«
Und der Ritter, in schnellem Lauf,
Steigt hinab in den furchtbaren Zwinger
Mit festem Schritte,
Und aus der Ungeheuer Mitte
Nimmt er den Handschuh mit keckem Finger.
Und mit Erstaunen und mit Grauen
Sehns die Ritter und Edelfrauen,
Und gelassen bringt er den Handschuh zurück.
Da schallt ihm sein Lob aus jedem Munde,
Aber mit zärtlichem Liebesblick –
Er verheißt ihm sein nahes Glück –
Empfängt ihn Fürstlein Kunigunde.
Und er wirft ihr den Handschuh ins Gesicht:
»Den Dank, Dame, begehre ich nicht!«
Und verließ sie zur selben Stunde.

Надежда

Пока люди живы, стремятся они,
Настигнуть мечту вековую;
Считают, что в будущем лучшие дни,
Охотясь на цель золотую.
Состарившись, станет мир вновь молодым,
Все мы улучшения жизни хотим.

Надежда по жизни ведёт за собой,
С весёлым ребёнком играет,
А юношу манит своей красотой,
Со старцем лечь в гроб не желает.
Когда он в могиле навеки уснёт,
Надежда в душе, как цветок, расцветёт.

И это поверьте не самообман,
Придуманный мозгом в смятенье.
Нас сердце зовёт, словно в бой барабан,
Жить верой, не зная сомненья.
И внутренний голос вещает о том,
Что душу надеждой и верой спасём.

Hoffnung
Es reden und träumen die Menschen viel
Von bessern künftigen Tagen;
Nach einem glücklichen, goldenen Ziel
Sieht man sie rennen und jagen.
Die Welt wird alt und wird wieder jung,
Doch der Mensch hofft immer Verbesserung.
Die Hoffnung führt ihn ins Leben ein,
Sie umflattert den fröhlichen Knaben,
Den Jüngling locket ihr Zauberschein,
Sie wird mit dem Greis nicht begraben;
Denn beschließt er im Grabe den müden Lauf,
Noch am Grabe pflanzt er – die Hoffnung auf.

Es ist kein leerer, schmeichelnder Wahn,
Erzeugt im Gehirne des Thoren.
Im Herzen kündigt es laut sich an:
Zu was Besserm sind wir geboren;
Und was die innere Stimme spricht,
Das täuscht die hoffende Seele nicht.

Пилигрим

Странствуя, бродил в истоме,
Не жалея юных дней
Я, оставив в отчем доме
Танцы юности своей.

И наследство, и пожитки -
Всё оставил и был прав,
Заменяли мне убытки
Посох и весёлый нрав.

Мне надежда дала силу,
Вера двигала вперёд,
«Странствуй» мне она твердила,
Путь – дорога на восход.

И однажды, днём чудесным
Подойдёшь к золатым вратам,
В них войдёшь тогда небесным
Всё земное станет Там.»

Всюду – бодрый, и разбитый
Я на месте не стоял.
Шёл, но оставалось скрытым
То, что я найти мечтал

Не давали горы ходу,
Брод в реке бывал глубок,
Находил меж скал проходы,
Строил мост через поток.

Раз, пришёл к реке глубокой,
Что струилась на восток
И, себя вверяя року,
Смело бросился в поток.

Он понёс, ласкал волною,
Пока в море не попал.
Пусто было предо мною,
Ближе к цели я не стал.

Путь туда, увы, не знаем,
Никогда и высь небес
Не коснётся земли краем,
То что, Там, не будет здесь.
Der Pilgrim

Noch in meines Lebens Lenze
War ich, und ich wandert' aus,
Und der Jugend frohe Taenze
Liess ich in des Vaters Haus.

All mein Erbteil, meine Habe,
Warf ich froehlich glauben hin,
Und am leichten Pilgerstabe
Zog ich fort mit Kindersinn.

Denn mich trieb ein maechtig Hoffen
Und ein dunkles Glaubenswort,
„Wandle,“ rief's, „der Weg ist offen,
Immer nach dem Aufgang fort.

„Bis zu einer goldnen Pforten
Du gelangst, da gehst du ein,
Denn das Irdische wird dorten
Himmlisch, unvergaenglich sein.“

Abend ward's und wurde Morgen,
Nimmer, nimmer stand ich still,
Aber immer blieb's verborgen,
Was ich suche, was ich will.

Berge lagen mir im Wege,
Stroeme hemmten meinen Fuss,
Ueber Schluende baut ich Stege,
Bruecken durch den wilden Fluss.

Und zu eines Stroms Gestaden
Kam ich, der nach Morgen floss;
Froh vertrauend seinem Faden,
Warf ich mich in seinen Schoss.

Hin zu einem grossen Meere
Trieb mich seiner Wellen Spiel;
Vor mir liegt's in weiter Leere,
Naehere bin ich nicht dem Ziel.

Ach, kein Weg will dahin fuehren,
Ach, der Himmel ueber mir
Will die Erde nicht beruehren,
Und das Dort ist niemals hier!

Прошение

Беру перо, хочу писать,
Но порчу зря бумагу.
Где в опустевшем сердце взять
Для дум и чувств отвагу?

Не влить замёрзшею рукой
В стихи тепла и света,
Не любящий мазни такой,
О, Феб, согрей поэта.

Скребёт кухарка целый час,
Спасенья нет от скрипа,
А мне пора, зовёт Пегас
В Испанию к Филиппу.

Сажусь бесстрашно на коня,
Секунды не считаю.
Пегас в Мадрид принёс меня,
У замка оставляю.

Спешу, о, чудо! Там вдали,
Чудесное создание –
Таясь, принцесса Эболи
Ждёт принца на свиданье.

Она трепещет, дрожь в ногах,
Объятья крепче стали,
Восторг горит в её глазах -
Его полны печали.

Триумф в любви потряс её,
Страсть рвётся на свободу!
Проклятье! Мокрое бельё
Бросает прачка в воду.

Всё, грош поэзии цена,
Бог с нею! Замки тают...
Пусть драмы пишет сатана,
Когда бельё стирают.

Чужестанка

Фридрих Шиллер

В долину к бедным пастухам,
Весной, под пенье жаворонка,
Как чудо в сказке, по утрам
Являлась хрупкая девчонка.

У пастухов была чужой,
Никто не знал, откуда родом
Оставленный, её ногой,
След – пропал с её уходом.

Цветы и сладкие плоды
Несли невидимые слуги,
Вечнозелёные сады,
Взрастили их под солнцем юга.

Дарила, каждому, весной
Цветок и плод своей рукою.
Счастливым уходил домой -
Мальчишка и старик с клюкою.

Хранится в памяти веков
И то, как любящих встречала:
Прекраснейший из всех цветов,
Благословляя их, вручала.
Das Madchen aus der Fremde

In einem Tal bei armen Hirten
Ersehien mit jedem jungen Jahr.
Sobald die ersten Lerchen schwirrten,
Ein Madchen schon und wunderbar.

Sie war nicht in dem Tal geboren,
Man wusste nicht, woher sie kam,
Und schnell war ihre Spur verloren,
Sobald das Madchen Abschied nahm.

Sie brachte Blumen mit und Fruchte
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer gluchlichern Natur.

Und teilte jedem eine Gabe,
Bem Fruchte, jenem Blumen aus;
Der Jungling und der Greisam Stabe,
Ein jeder ging beschenkt nach Haus.

Willkommen waren alle Gäste,
Doch nahte sich ein liebend Paar,
Dem reichte sie der Gaben beste,
Der Blumen allerschönste dar.

Цветы

Дети солнца молодого,
Поля – праздничный убор
Цветы – радость для любого,
Ласков к ним природы взор.
Мил наряд, расшитый светом,
Флора красит разным цветом,
Её краски дар богов.
Дети вёсен – хороши,
Но остались без души,
Плачьте, ваш удел суров.

Поют песни жаворонки
Ночью плачут соловьи,
Тянут нежные ручонки
К вам сиреневы, ждут любви.
Зачем в чаши и короны,
Манит взгляды дочь Дионы
Разжигая пыл в крови?
Плачьте дети вёсен нежных!
На полях земли безбрежных
Вам отказано в любви.

Но таясь от взгляда няни,
Запрет матери был строг,
Я, пока цветы не вянут,
Подарю любви залог:
Речь его души безмолвна,
Но для сердца полнокровна,
Для тебя венок совью,
Величайший из богов
Воплотил в листе цветов
Всю божественность свою.
Die Blumen
Kinder der verj;ngten Sonne,
Blumen der geschm;ckten Flur,
Euch erzog zu Lust und Wonne,
Ja, Euch liebte die Natur.
Sch;n das Kleid mit Licht gesticket,
Sch;n hat Flora Euch geschm;cket
Mit der Farben G;tterpracht.
Holde Fr;hlingskinder, klaget!
Seele hat sie Euch versaget,
Und ihr selber wohnt in Nacht.

Nachtigall und Lerche singen
Euch der Liebe selig Los,

Gaukelnde Sylphiden schwingen
Buhlend sich auf Eurem Schoß;
Wülbte Eures Kelches Krone
Nicht die Tochter der Dione
Schwellend zu der Liebe Pfahl?
Zarte Frühlingkinder, weinet!
Liebe hat sie euch verneinet,
Euch das selige Gefühl.

Aber hat aus Nanny's Blicken
Mich der Mutter Spruch verbannt,
Wenn Euch meine Hände pflücken
Ihr zum zarten Liebespfand:
Leben, Sprache, Seelen, Herzen,
Stumme Boten seiner Schmerzen,
Goss Euch dies Berühren ein,
Und der mächtigste der Götter
Schließt in Eure stillen Blätter
Seine hohe Gottheit ein.

Мужицкая серенада

Глянь в окно! Повсюду мрак.
Под дождём и громом
Я торчу, среди собак,
Два часа за домом.
Тучи, небо набекрень,
Дождик льёт, как в судный день.
Приодет для вечеринки!
Брюки нужно выжимать
И на новые менять
Шляпу, куртку ботинки!
Дождик, гром и суматоха -
Глянь в окно, мне очень плохо!

Ради Бога, пожалей!
Мне и страшно и обидно,
Ночь черна без фонарей!
Ни луны, ни звёзд не видно.
Я о камни спотыкаюсь,
Рву одежду и ругаюсь,
Говорю, помилуй, Бог!
Кругом изгородь, и рвы,
Не сносить мне головы,
Не спасти ни рук, ни ног.
Это ужас, а не ночь!
Чертыханьем, не помочь!

Будь ты проклята! Окстись!
И прими в объятья!
Есть молитва – помолись,
Или ждёшь проклятья?
Человеком пора стать,
Хватит дурака валять,
Чего я дожидаюсь?
Унижаясь перед тобой,
Люблю летом и зимой,
Видно, зря стараюсь!
Мочи нету, так продрог!
Видно хочешь, чтоб я здох!

Гром грохочет, чуть живой!
Где набраться силы?
Эта ведьма кочергой
Меня благословила.
А могла бы пожалеть,
Холод, дождь пришлось терпеть,
Мне из – за плутовки!

Погоди же! Злись, не злись,
Без меня теперь резвись
Злобная чертовка!
Холод, ветер, дождь стеной,
До свиданья, я – домой.

Baurenst;ndchen
Mensch! Ich bitte, guck heraus!
Klecken nicht zwo Stunden,
Steh ich so vor deinem Haus,
Stehe mit den Hunden.
's regnet, was vom Himmel mag,
's gwittert wie zum J;ngsten Tag,
Pudelna; die Hosen!
Platschna; Rock und Mantel, ei!
Rock und Mantel nagelneu,
Alles dieser Losen.
Drau;en, drau;en Saus und Braus!
Mensch! ich bitte, guck heraus.

Ei zum Henker! guck heraus!
L;scht mir die Laterne –
Weit am Himmel Nacht und Graus!
Weder Mond noch Sterne.
Sto; ich schier an Stein und Stock,
Rei;e Wams und ;berrock,
Ach, da; Gott erbarme!
Hecken, Stauden ringsumher,
Gr;ben, H;gel kreuz und quer,
Breche Bein und Arme.
Drau;en, drau;en Nacht und Graus!
Ei zum Henker, guck heraus!

Ei zum Teufel! guck heraus!
H;re mein Gesuche!
Beten, Singen geht mir aus,
Willst du, da; ich fluche?
Mu; ich doch ein Hans Dampf sein,
Fr;r ich nicht zu Stein und Bein,
Wenn ich l;nger bliebe?
Liebe, das verdank ich dir,
Winterbeulen machst du mir,
Du vertrackte Liebe!
Drau;en, drau;en Kalt und Graus!
Ei, zum Teufel, guck heraus.

Donner alle! Was ist das,
Das vom Fenster regnet?
Garstge Hexe, kotigna;,

Hast mich eingesegnet.
Regen, Hunger, Frost und Wind
Leid ich für das Teufelskind,
Werde noch gehudelt!
Wetter auch! Ich packe mich!
Büß' dich, tummle dich,
Habe satt gedudelt!
Draußen, draußen Saus und Braus!
Fahre wohl – Ich geh nach Haus.

Игра в жизнь

Вам хочется в шкатулку заглянуть?
Здесь жизнь и мир в миниатюре
Через мгновение увидите в натуре;
Не стойте близко, чтобы видеть суть,
Любовь для вас зажжёт в театре свечи,
А Купидон огнём осветит путь.

Пустою сцена жизни не бывает:
Ребёнка мать приносит на руках,
Мальчишка прыгает, став юношей летает,
Мужчиною становится в боях.

Здесь каждый счастье силою берёт,
Но узок путь для каждого на скачке:
Сгорают оси колесниц в горячке,
Герой пробьётся, слабый отстаёт,
Излишне гордый вызывает смех,
И только умный обгоняет всех.

А женщины теснятся у барьера,
Стать нежной и изящною наградой
Для победителя любая будет рада.

Das Spiel des Lebens
Wollt ihr in meinen Kasten sehn?
Des Lebens Spiel, die Welt im kleinen,
Gleich soll sic eurem Aug' erscheinen;
Nur m;;t ihr nicht zu nahe stehn,
Ihr m;;t sie bei der Liebe Kerzen
Und nur bei Amors Fackel sehn.

Schaut her! Nie wird die B;hne leer:
Dort bringen sie das Kind getragen,
Der Knabe h;pft, der J;ngling st;rm't einher,
Es k;mpft der Mann, und alles will er wagen.

Ein jeglicher versucht sein Gl;ck.
Doch schmal nur ist die Bahn zum Rennen:
Der Wagen rollt, die Achsen brennen,
Der Held dringt k;hn voran, der Schw;chling bleibt zur;ck,
Der Stolze f;llt mit l;cherlichem Falle,
Der Kluge ;berholt sie alle.

Die Frauen seht ihr an den Schranken stehn,
Mit holdem Blick, mit sch;nen H;nden
Den Dank dem Sieger auszuspenden.

1796

Раздел земли

Зевс крикнул людям:– мир вам отдаю,
Делите землю и в надел берите,
Дарю в наследство собственность мою,
Одно условие: по – братски разделите.

Как оказалось всем нужна земля,
Взялись за дело люди с интересом:
Взял пахарь пашню и с травой поля,
Охотник поспешил заняться лесом.

Купец берёт товар и прячет в склад,
Вино, из всех ценнейшее, Аббаты,
Король дороги и мосты присвоить рад,
С торговцев подати берут солдаты.

Всё разделили – тут пришёл поэт,
Издалека, услышав голос вещей,
Глядит, а для него подарка нет,
Хозяин был уже у каждой вещи.

О, горе мне! Забыт один из всех,
За что, мой Бог, наказываешь сына?
Пав ниц, он плачет: расскажи, в чём грех,
Зевс, объясни в чём строгости причина.

Поэт, не нужно ссориться со мной,
Где был, когда делили люди землю,
Поэт сказал: – Тогда я был с тобой.
Другого Бога, верь мне, не приемлю.

Был на лице твоём влюблённый взгляд,
Небес гармония затмила всё другое,
Был опьянён тобой – в том виноват,
Поэтому и потерял земное.

Что делать роздан мир, не утаю:
Земля, охота, рынок мне – чужие.
Когда захочешь, буду ждать в раю,
Ты будешь там, где никогда другие.
Die Teilung der Erde

Nehmt hin die Welt! rief Zeus von seinen Hoehen
Den Menschen zu, nehmt, sie soll euer sein.
Euch schenk ich sie zum Erb und ewgen Lehen,
Doch teilt euch bruederlich darein.

Da eilt was Haende hat, sich einzurichten,
Es regte sich geschaeftig jung und alt.
Der Ackermann griff nach des Feldes Fruechten,
Der Junker birschte durch den Wald.

Der Kaufmann nimmt, was seine Speicher fassen,
Der Abt waehlt sich den edeln Firnewein,
Der Koenig sperrt die Bruecken und die Strassen,
Und sprach, der Zehente ist mein.

Ganz spaet, nachdem die Teilung laengst geschehen,
Naht der Poet, er kam aus weiter Fern.
Ach! da war ueberall nichts mehr zu sehen,
Und alles hatte seinen Herrn!

Раздел земли

Weh mir! So soll ich denn allein von allen
Vergessen sein, ich, dein getreuster Sohn?
So liess er laut der Klage Ruf erschallen,
Und warf sich hin vor Jovis Thron.

Wenn du im Land der Traeume dich verweilet,
Versetzt der Gott, so hadre nicht mit mir.
Wo warst du denn, als man die Welt geteilet?
Ich war, sprach der Poet, bei dir.

Mein Auge hing an deinem Angesichte,
An deines Himmels Harmonie mein Ohr.
Verzeih dem Geiste, der, von deinem Lichte
Berauscht, das Irdische verlor!

Was tun! spricht Zeus, die Welt ist weggegeben,
Der Herbst, die Jagd, der Markt ist nicht mehr mein.
Willst du in meinem Himmel mit mir leben,
Sooft du kommst, er soll dir offen sein.

1795

Рыцарь Тогенбург

«Рыцарь, любящей сestroю,
Я согласна быть,
По – другому, став женою,
Не смогу любить.
Не грущу при расставанье,
Не спешу встречать,
Плачь, и глаз твоих страданье,
Не могу понять.»

Слушал молча, без проклятий,
Выпив боль до дна,
Крепко, сжав в своих объятьях,
Сел, на скакуна,
А потом, призвав дружину
Из Швейцарских мест,
Поскакал он в Палестину,
На груди был крест.

Совершил своей рукою
Много славных дел;
Налетали враги роем,
Был могуч и смел.
Страх при имени героя
В сердце мусульман,
Но, от боли нет покоя,
Горем сгорблен стан.

Год прошёл, и на мгновенье,
Не сумев уснуть,
Он решил без промедленья
Отправляться в путь.
Выгнув парус, ветер реет,
Вдаль корабль несёт,
Там её дыханье веет,
Край родимый ждёт.

Вот и замок, он в ворота
Бился и стучал,
Отворив, ему их, кто то,
Громко закричал:
«Той, которую ты ищешь,
Больше в замке нет,
Вчера стала она нищей -
Приняла обет».

Больше Тогенбург не видел

Ни коня, ни лат,
Дом отца возненавидел,
С ним всё, чем богат.
И теперь живёт безвестным,
Он в родных краях,
Одевавшийся прелестно,
В рясе, как монах.

В келье, спрятавшись от взглядов,
Для родных погиб,
Монастырь монахинь рядом,
Среди старых лип;
От рассвета до заката,
Лучший из мужчин,
Тайной думою объятый,
Там сидит один.

Вера в нём неугасима,
Сутки напролёт,
Смотрит на окно любимой,
Неустанно ждёт,
Чтоб окошко отворилось,
Следом за зарёй,
Лицо милой появилось,
Возвратив покой.

Успокоившись, ложится,
Чтобы крепко спать,
Встать с зарёй, потом молиться,
Новой встречи ждать.
Так сидел он, глядя в дали,
Много – много дней,
Без тревоги и печали,
Думая о ней.

Чтоб окошко отворилось,
Следом за зарёй,
Лицо милой появилось,
Принесся покой.
Но однажды стал недвижимым,
Бледным мертвецом,
Он, увидев неподвижным
Мёртвое лицо.
Ritter Toggenburg
»Ritter, treue Schwesterliebe
Widmet Euch dies Herz,
Fordert keine andre Liebe,
Denn es macht mir Schmerz.
Ruhig mag ich Euch erscheinen,

Ruhig gehen sehn;
Eurer Augen stilles Weinen
Kann ich nicht verstehn.«

Und er h;rt's mit stummem Harme,
Rei;t sich blutend los,
Pre;t sie heftig in die Arme,
Schwingt sich auf sein Ro;,
Schickt zu seinen Mannen allen
In dem Lande Schweiz;
Nach dem Heil'gen Grab sie wallen,
Auf der Brust das Kreuz.

Gro;e Taten dort geschehen
Durch der Helden Arm;
Ihres Helmes B;sche wehen
In der Feinde Schwarm,
Und des Toggenburgers Name
Schreckt den Muselmann,
Doch das Herz von seinem Grame
Nicht genesen kann.

Und ein Jahr hat er's getragen,
Tr;gt's nicht l;nger mehr,
Ruhe kann er nicht erjagen,
Und verl;;t das Heer,
Sieht ein Schiff an Joppes Strande,
Das die Segel bl;ht,
Schiffet heim zum teuren Lande,
Wo ihr Atem weht.

Und an ihres Schlosses Pforte
Klopft der Pilger an,
Ach! und mit dem Donnerworte
Wird Sie aufgetan:
»Die Ihr suchet, tr;gt den Schleier,
Ist des Himmels Braut,
Gestern war des Tages Feier,
Der sie Gott getraut.«

Da verl;sset er auf immer
Seiner V;ter Schlo;,
Seine Waffen sieht er nimmer,
Noch sein treues Ro;,
Von der Toggenburg hernieder
Steigt er unbekannt,
Denn es deckt die edeln Glieder
H;renes Gewand.

Und erbaut sich eine Hütte
Jener Gegend nah,
Wo das Kloster aus der Mitte
Düsterer Linden sah;
Harrend von des Morgens Lichte
Bis zu Abends Schein,
Stille Hoffnung im Gesichte,
Sah er da allein.

Blickte nach dem Kloster drüben,
Blickte stundenlang,
Nach dem Fenster seiner Lieben,
Bis das Fenster klang,
Bis die Liebliche sich zeigt,
Bis das teure Bild
Sich ins Tal herunterneigte,
Ruhig, engelmild.

Und dann legt' er froh sich nieder,
Schlief geträumt ein,
Still sich freuend, wenn es wieder
Morgen würde sein.
Und so sah er viele Tage,
Sah viel Jahre lang,
Harrend ohne Schmerz und Klage,
Bis das Fenster klang,

Bis die Liebliche sich zeigte,
Bis das teure Bild
Sich ins Tal herunterneigte,
Ruhig, engelmild.
Und so sah er, eine Leiche,
Eines Morgens da,
Nach dem Fenster noch das bleiche
Stille Antlitz sah.

Первым эту балладу перевёл Василий Жуковский. Его перевод считается идеальным, но, на мой взгляд, завершающая часть ему не удалась. Он не сказал, что рыцарь умер, увидев, мёртвое (неподвижное) лицо любимой. У Жуковского, однажды, умер. Что после нго смерти произошло с красавицей неизвестно. У Шиллера конец прост и логичен. Николай Заболоцкий повторил ошибку Жуковского. Видимо, первый точный перевод мой. Выставляю его на ваш суд.

Рильке Райнер Мария

«Никто из них (поэтов начала века), пожалуй, не жил тише, таинственнее, неприметнее, чем Рильке. Но это не было преднамеренное, натужное... одиночество, вроде того, какое воспевал в Германии Стефан Георге; тишина словно бы сама ширилась вокруг него... он чуждался даже своей славы... Его прошли, не подозревая, что это поэт, и притом один из величайших в нашем столетии...». Стефан Цвейг о Рильке, «Вчерашний мир» (1941)

Рильке Райнер Мария [Rilke, 1875—1926] – один из крупнейших немецких поэтов, представитель неоромантизма. Принадлежал к старинному аристократическому роду. Родился в Праге. Там же получил первоначальное образование, затем учился в Мюнхене и Берлине. Много путешествовал. Во время мировой войны жил в Швейцарии. Долгие годы жил во Франции, был другом и личным секретарем скульптора Родена. Несколько раз в своей жизни он ездил в Россию. На него сильно повлияли встречи со Львом Толстым, Ильёй Репиным, русскими писателями и поэтами. Со многими, как например с Борисом Пастернаком, он вёл в дальнейшем постоянную переписку. С Рильке переписывалась Марина Цветаева. Письма поразительные, сейчас такие уже не пишут: «Райнер Мария Рильке! Смею ли я так назвать Вас? Ведь вы – воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение. Райнер Мария – это звучит по-церковному – по-детски – по-рыцарски. Вы – явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (еще не все!) Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия...» Так высоко ценила Цветаева Рильке. Оказавшись на острове Капри в 1907 году, Рильке познакомился и сдружился с Максимом Горьким, находившимся в то время в эмиграции. Впечатлённый Россией, Рильке читал в подлиннике Тютчева и Фета, переводил на немецкий Лермонтова, а в начале 1900-х годов написал несколько стихотворений по-русски. Позже он говорил, что у него две родины – Богемия и Россия. По признанию поэта, в первый же день его охватило восторженное чувство от России. После знакомства с Репиным, Рильке писал Вороной: «Вот видите, этот Репин – опять-таки русский человек. А все настоящие русские – это такие люди, которые в сумерках говорят то, что другие отрицают при свете. Ваш язык для меня – лишь звук, но я и не собираюсь подыскивать для него какой-либо смысл; есть такие часы, когда сам звук становится и значением, и образом, и словом. И я теперь знаю, что такие часы – русские и что я их очень люблю». Впечатления от России лягут в основу книги Рильке «Часослов». С этой книги начнется слава поэта. Через десять месяцев, после отъезда, он снова вернулся. Изучал русский язык. Написал статью «Русское искусство». Читал в подлиннике стихи Тютчева и Фета, перевел две «Молитвы» Лермонтова, стихотворение З. Гиппиус, стихотворение Фофанова, перевел на немецкий чеховскую «Чайку». В своем дневнике Рильке записал: «На Волге, на этом спокойно катящемся море быть дни и ночи, много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на одном берегу, и низкая луговая равнина на другом, и большие города там не выше хижин или шалашей. Заново переосмысливаются все измерения. Постигаешь, что земля необъятна, вода – нечто необъятное и необъятно прежде всего небо. Что я видел раньше, было только изображением земли и реки и мира. Но здесь это все само по себе. Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего – в немногих словах, мера вещей – в руках Создателя». Он был высокого мнения о русском народе: «Если говорить о народах, как о людях, которые находятся в процессе развития, то можно сказать: этот народ хочет стать солдатом, другой – торговцем, третий – ученым; русский народ хочет стать художником». За свою жизнь Рильке напишет и издаст много книг, у него будет несколько впечатляющих романов с женщинами, с которыми он будет жить в замках, но в одном из писем он напишет: «Решающим в моей жизни была Россия... Россия стала в определенном смысле основой моей жизни и мировосприятия». Может быть, поэтому Райнеру Марии Рильке один из самых переводимых поэтов на русский язык. Поэт и филолог Ольга

Седакова предлагает подстрочный перевод, как единственно верное толкование поэта. Публикация подстрочников рядом с переводом была бы разумным решением. Не смотря на эти трудности перевода, Рильке пользуется в России огромной популярностью. Начиная с 1906 года стали появляться первые переводы стихотворений Рильке, выполненные А. Биском. В 1913 году выходят три книги, в которых творчество Рильке было представлено широко. Это сборник Ю. Анисимова «Книга часов», антология В. Эльснера «Современные немецкие поэты» и раздел переводов из Рильке в книге В. Шершневича «Carmina». С 1913 по 2012 гг. были выпущены более пятидесяти книг поэзии и прозы поэта. С начала 20-х гг. до середины 60-х гг. XXв. книги Рильке в России по идеологическим мотивам не издавались. Представители русского зарубежья занимались переводами Рильке в эмиграции. Там в 1921 году выходит книга «Из новой немецкой лирики. Переводы и характеристики Григория Забежинского». В 1947 году в Париже выходит в свет книга Рильке «Часослов» в переводах Г. Забежинского. В 1962 году началось возвращение Рильке в Россию. В журнале «Вопросы литературы» (№ 12) появилась статья В. Г. Адмони, посвященная творчеству Рильке. В 1965 г. вышла книга избранных стихотворений Рильке в переводе Т. Сильман. С 1965 по 2012 гг. свет увидели 49 книг стихотворных переводов Рильке. Конец XX века ознаменовался выходом в свет уникальной антологии «Строфы века-2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века», подготовленной Е. Витковским. В ней опубликованы произведения почти всех ведущих переводчиков Рильке, работавших в двадцатом столетии.

В 1975 году Владимир Летучий пишет в своём очерке: “Думается, что понятие перевод’ обрело слишком расширенное толкование и под ним зачастую подразумевается или наличествует нечто совершенно иное: пересказ, переложение, версификация, обработка... подражание, вариация на тему, стилизация... мистификация, то есть умышленная ссылка на якобы имеющийся первоисточник... подделка, пародия, вольное сочинение на ту же или почти ту же тему... К Райнеру Марии Рильке приложили руку все”. Такова цена популярности Рильке. Существует мнение о “непереводимости” Рильке. Я, в меру сил, пытаюсь убедить в переводимости, сохраняя в переводах неповторимую индивидуальность поэта, красоту и оригинальность его мыслей, образов, метафор и стиля.

В процессе перевода стихов возникают трудности: нужно 1) сохранить национальное своеобразие; 2) сохранить дух времени написания; 3) выбрать между точностью и красотой перевода. Первое: стихотворение отражает определённую действительность, связанную с жизнью конкретного народа, язык которого и даёт средства для воплощения образов. Нужно сохранить все особенности языка, сохранив единство формы и содержания. Вторая проблема сохранения «духа» того времени, когда было написано произведение. Нужно сохранить в переводе атмосферу прошлого, но при этом не превратить его в музей. Таким образом, переводчик сталкивается с парадоксом, нужно, сохранив в переводе особенности времени написания, при этом максимально приблизить его к читателю. Третий – вечный вопрос: каким должен быть перевод – как можно более точным или, как можно более естественно звучащим. Споров много, ответа окончательного нет. Чтобы читатель убедился в этом, я, иногда, предлагаю подстрочник и несколько вариантов перевода: первый и более точный, как правило, хуже звучащий. Выбирайте, какой вариант больше нравится.

Белый замок

Спит белый замок – белый снег постель,
По залам бродит тихий шорох,
Больной вьюнок в стене нашёл опору,
Дороги в мир засыпала метель.

Над головою небо, синь слепит,
Мерцают стены, ветер в стёкла бьётся,
Безумная тоска наружу рвётся,
Часы стоят, а время крепко спит.
Подстрочник
Белый замок в белом одиночестве.
По голым залам ползут слабые шорохи .
Смертельно больной вьюн цепляется за стену,
А все дороги в мир засыпаны снегом.

Над ним широко раскинулось небо.
Замок мерцает. А вдоль белых стен
Тоска пытается вырваться наружу.
Часы в замке стоят: время умерло.

Ein weisses Schloss in weisser Einsamkeit.
In blanken Saelen schleichen leise Schauer.
Totkrank krallt das Gerank sich an die Mauer,
Und alle Wege weltwaerts sind verschneit.

Daruber hangt der Himmel brach und breit.
Es blinkt das Schloss. Und laengs den weissen Waenden
Hilft sich die Sehnsucht fort mit irren Haenden ...
Die Uhren stehn im Schloss: Es starb die Zeit.

1898

Начало весны

Потеплело... Распахнулись дали.
Обнажились, поседев, луга.
Ручейки нежнее зазвучали,
Плеском волн, лаская берега.

А к земле из космоса тропинки
Протянулись, им теряя счёт,
Понимаешь – звёзды из искринки,
А из корня дерево растёт.

VORFRUEHLING

Haerte schwand. Auf einmal legt sich Schonung
an der Wiesen aufgedecktes Grau.
Kleine Wasser aendern die Betonung.
Zaertlichkeiten, ungenau,

greifen nach der Erde aus dem Raum.
Wege gehen weit ins Land und zeigens.
Unvermutet siehst du seines Steigens
Ausdruck in dem leeren Baum.

Весна

Ликуют птицы – солнце с нами!–
Наполнен песнями простор;
А в царском парке до сих пор
Весь бальный зал покрыт цветами.

А солнце пишет алфавит,
На листьях молодой травы.
Средь увядающей листвы,
Из камня столб, грустя, стоит.

К нему идёт, с глазами лани,
Девчонка, кружит жёлтый лист,
На столб кладёт, он лыс и чист,
Венок из голубой герани..
Fruehling

Die Voegel jubeln – lichtgeweckt -,
die blauen Weiten fuellt der Schall aus;
im Kaiserpark das alte Ballhaus
ist ganz mit Blueten ueberdeckt.

Die Sonne schreibt sich hoffnungsvoll
ins junge Gras mit grossen Lettern.
Nur dorten unter welken Blaettern
seufzt traurig noch ein Steinapoll.

Da naht ein Lueftchen, fegt im Tanz
hinweg das gelbe Blattgeranke
und legt um seine Stirn, die blanke,
den blauenden Syringenkranz.

Вечерние облака

Вечереет, простор, тишина
Над холмом и уснувшей деревней
Облаков серебристые гребни,
Колыхаются в сини без дна.

Отдохнув, не спеша скользят вдаль...
Под луной, над мерцанием гор
Замирает их белый узор,
Как на острове диком, печаль.
Abendwolken.
Abend Stille die Fernen. – Ich schau'
Hoch ob verdaemmernder Huegellehne
Wandelnde Wolken, silberne Kaehne,
Schimmernd schwimmen im bleichen Blau.

Gleiten so leicht in die Weite hinaus . . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.